

7. Słownik polszczyzny XVI wieku / St. Bał, M. R. Mayenowa i in. – Wrocław, 1966–2009. – Т. 1–37.
8. Korpus polszczyzny XVI wieku // Słownik polszczyzny XVI wieku [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://sprxvi.edu.pl/korpus/>. – Дата доступу: 12.07.2019.
9. Linde, S. Słownik języka polskiego / S. Linde. – Warszawa, 1994–1995. – Т.1–6.

Спіс цытаваных крыніц Картатэкі Гістарычнага слоўніка беларускай мовы

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. – СПб, 1846–1853. – Т. I–V.

Апакр. – Апокрисисъ албо отповедь на книжки о съборе берестейскомъ (Вільня, 1598).

Атыла – Гісторыя аб Атыле, каля 1580 г. – У кн.: *Веселовский, А. Н.* Из истории романа и повести. Сборник Отделения русского языка и словесности. – СПб, 1888. – Т. 44, № 3. – С. 173–235.

Скар., ІС. – «Библия руска» выдання Ф. Скарыны 1516–1519 гг. – Кніга Ісуса Сірахава.

Ст. 1529 – Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 г. – Временник императорского общества любителей древностей российских. – М., 1854.

Ст. 1566 – Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 г. Рукапіс Дзяржаўнай публічнай бібліятэкі імя М. Я. Салтыкова-Шчадрына, Ф, II, 34.

Ст. 1588 – Статут Вялікага Княства Літоўскага (Вільня, 1588).

The article deals with the main sememes and their characteristic collocations of the Old Belorussian lexemes *česć*, *uščivaść*, *paščivaść* and their Polish equivalents. An exceptionally high degree of similarity in the use of Old Belorussian and Polish units has been established, e.g. predominance of semantics of the “external honor” (the most frequent sememes were ‘respects’ and ‘title, position’) and structural and semantic unity of the collocations.

Поступила в редакцию 07.10.2019

М. О. Тригук

ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМОВ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ С. ЕСЕНИНА (на материале стихотворений поэта и переводов Р. Бородулина)

В статье рассматриваются приемы перевода русской метафоры на белорусский язык. Материалом для анализа послужили метафоры из стихотворений С. Есенина и их переводы на белорусский язык, выполненные поэтом Р. Бородулиным. Описываются стратегии передачи метафорического образа на язык перевода, устанавливаются основные приемы перевода авторской метафоры и некоторые закономерности их использования.

Талант С. Есенина отмечали А. Блок, Б. Пастернак, С. Городецкий, Ф. Сологуб, Н. Клюев, М. Горький и др. Многие критики воспринимали поэта как продолжателя пушкинских традиций в русской литературе: С. Есенин «порой пушкинскими словами прорыдал нам о своей молодости, о своем одиночестве, о своей бесприютной головушке, о потерянных любви и дружбе, о родине, о русской матери...» [1, с. 75]. Закономерно, что творчество поэта привлекало внимание не только читателей, но и переводчиков. Стихотворения С. Есенина переводились на немецкий, английский, французский, итальянский и славянские языки. Широко известны переводы С. Есенина на белорусский язык, мастерски выполненные переводчиком и поэтом Рыгором Бородулиным, который называл Сергея Есенина «очами России» и «испытывал радость от долгой, нелегкой, но благодатной работы» над переводом стихотворений поэта [2].

Иностраный читатель получает представление о стиле поэта по переводу, в то время как перевод основан на «индивидуальном переосмыслении образно-смысловых особенностей художественного текста», а «творческие характеристики перевода и его импровизационный аспект особенно ярко выражены в переводе поэзии» [3, с. 6]. Качественный поэтический перевод соответствует таким критериям, как единство формы и содержания, точность словоупотребления и естественность звучания, стремление к сохранению рифмы и ритма, национального своеобразия и особенностей авторского идиостиля. Именно с проблемой сохранения стиля связан выбор переводческих решений при передаче стилистических средств, в частности метафоры.

Метафора является универсальной единицей для языковых систем, но при этом сравнительно непросто передается с одного языка на другой (Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Т. А. Казакова, А. Д. Швейцер и др.). В стиле С. Есенина метафора является частотным средством создания экспрессивности и служит выявлению содержательно-концептуальной информации. Цель исследования – выявить приемы перевода авторской метафоры С. Есенина и особенности их использования при переводе на белорусский язык стихотворений поэта. Материалом для анализа послужили 129 метафор из стихотворений С. Есенина, выявленные методом сплошной выборки, и их переводы на белорусский язык, выполненные Р. Бородулиным [4; 5].

При переводе метафор в стихотворениях С. Есенина переводчик следует «закону сохранения метафоры», в соответствии с которым метафора и ее оригинальный образ сохраняются при наличии возможности. В белорусском тексте исходный образ представлен в 75 % метафор, т.е. переводчик стремится воссоздать индивидуально-авторские метафоры на языке перевода, одновременно отражая стиль и личность поэта и обогащая словарный запас языка перевода: *На тропу голубого поля // Скоро выйдет железный гость, Злак овсяный, зарею пролитый, // Соберет его черная горсть. – На сцяжынку блакітнага поля // Госць жалезны выйдзе на скон. // І зару*

аўсянага болю // Чорнай жменяй захопіць ён. Переводчик может сохранять метафору как прием, заменяя оригинальный образ другим метафорическим образом. В анализируемых стихотворениях замена образа применяется при переводе 25 % метафор, т.е. гораздо реже по сравнению со стратегией, при которой авторский образ воспроизводится полностью. Переводчик изменяет образ в большей или меньшей степени: *...текла былая // Наша жизнь, что былой не была... – Як ляцела вясна былая, // Раскажу, хоць былой не была; Сёгодня я // В ударе нежных чувств. – Я сёння // У палоне пачуцця.* Переводчик избегает неоправданного разрушения метафор, которое, по мнению И. Р. Гальперина, изменяет исходный смысл фразы и снижает ее эстетический и прагматический эффект [6]. Так, прием разрушения художественного образа практически не используется. В переводе опускается авторская метафора *томясь в неласковом плену*, описывающая состояние лирического героя: *Но, всегда ища себе родную // И томясь в неласковом плену, // Я тебя нисколько не ревную, // Я тебя нисколько не кляню. – Хоць шукаю родную адну я, // Ні на кого не звярну віну, // Я цябе нікольнікі ні раўную, // Я цябе нікольнікі не кляню.* Выявленное соотношение стратегий перевода метафорических единиц возможно благодаря близкородственному статусу русского и белорусского языков и установке переводчика на сохранение оригинальной образности С. Есенина.

Рассмотрим особенности приемов перевода метафоры при переводе стихотворений С. Есенина. Полный перевод метафоры применяется, если для ее единиц совпадают правила сочетаемости и традиции выражения эмоционально-оценочной информации. Названный прием используется при переводе 36 метафор: *Весной и солнцем на лугу // Обвита жёлтая дорога... – Вясной і сонцам на лугу // Спавіта жоўтая дарога; Только будут колосья-кони // О хозяине старом тужить. – Толькі будуць калоссі-кони // Па кармільцы старым тужыць.* Благодаря ему в переводе сохраняется своеобразие индивидуально-авторской метафоры С. Есенина, которая употребляется для воссоздания пейзажных зарисовок или описания эмоционального состояния человека. Полный перевод позволяет передать и авторское ощущение неразрывной связи человека и природы, которое в том числе реализуется и через метафору: *На бору со звонами плачут глухари. – Зноў глушцы са звонамі плачуць у бары; Хорошо в черёмуховой выюге... – Хораша ў чарэмхавай завеі; Если тронуть страсти в человеке, // То, конечно, правды не найдёшь. – Як зачэпіш страці ў чалавеку, // То не знойдзеш праўды ўсё адно.*

При переводе поэтического текста часто имеют место трансформации. Трансформацией, как определяет Л. К. Латышев, является «намеренное отступление от структурного и семантического параллелизма между исходным языком и языком перевода в пользу их равноценности в плане воздействия» [7, с. 34–35]. Трансформации являются обоснованными, если они обеспечивают большую степень эквивалентности переводимому отрезку, служат для воссоздания образности, сохранения важной фоновой инфор-

мации либо снятия избыточной, преодоления межъязыковых различий, достижения компактности перевода, его эстетичности и логичности [8]. Соотношение приемов перевода метафоры (полного перевода и различных типов трансформаций), используемых Р. Бородулиным, представлено на рис. 1.

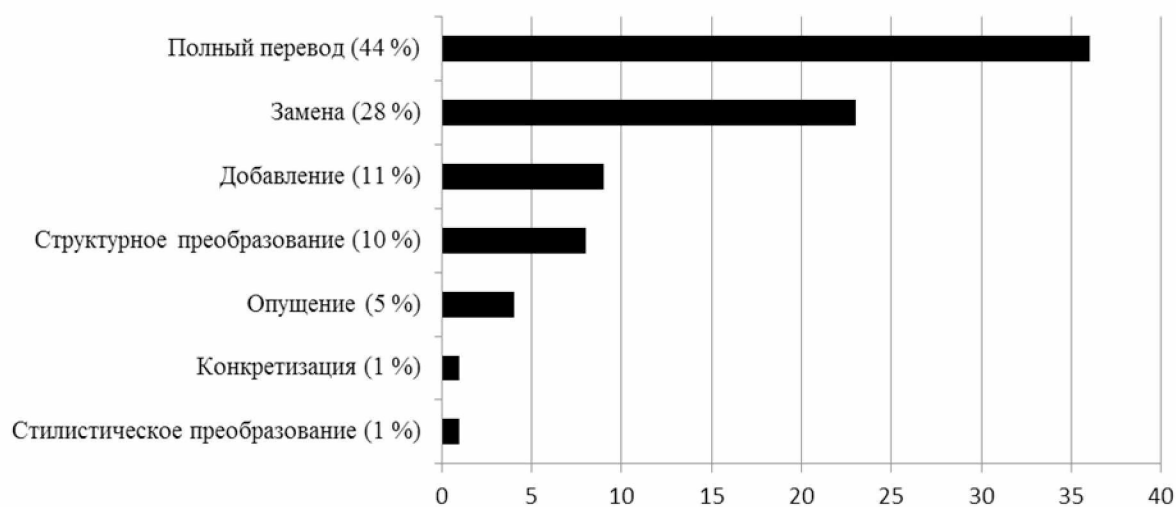

Рис. 1. Соотношение переводческих решений при переводе метафоры

З а м е н а (23 случая) является одним из наиболее частых приемов перевода метафоры у Р. Бородулина. В данном случае происходит замена части исходного содержания иным, соответствующим исходному по прагматической функции: *Оттого душе моей не жёстко // Ни желать, ни требовать огня... – I таму душы не так марозна: // I жадаанне, i агонь міне; В городской и горькой славе // Я хотел прожить пропащим. – З гарадской палынной славы // Я хацеў пражыць прапащым; Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи, – К светлой тайне приложил уста. – Кто ўсё ж выдумаў // Твой гнуткі стан і плечы, – // Вусны светлай таямніцай разгавеў.* При описании состояния души используется наречие *марозна* с имплицитной отрицательной коннотацией в данном контексте, как и наречие *жёстко*; атрибутивная характеристика *палынны* связана с вкусовыми ощущениями, как и *горький*; и исходное словосочетание *приложил уста*, и его эквивалент *разгавеў вусны* имеют отсылку к библейской тематике. Таким образом, перевод метафор учитывает особенности индивидуально-авторских метафор С. Есенина, благодаря чему их эквиваленты на белорусском языке являются близкими к оригинальным. При переводе метафоры может применяться и к о н к р е т и з а ц и я. Например, отрицательное местоимение *ничто* заменено существительным *жаль*: *I ніхто душы не патрывожыць, // I дрыжаць яе не змусяць жаль. – I ничто душы не потревожит, // I ничто ёй не бросит в дрожь...*

Д о б а в л е н и е, или введение дополнительных слов, как правило, возникает для отражения языковых различий. Данный прием перевода может быть обусловлен такими причинами, как отсутствие нужной лексемы или ЛСВ, перестройка синтаксической структуры, перевод значений, выра-

женных в оригинале грамматически и стилистически. При переводе метафоры Р. Бородулиным такой прием используется 9 раз. Сравним исходный и переводной текст: *Когда кипит морская гладь, // Корабль в плачевном состоянии. – Калі ўскіпае гнеў марскі наўзбоч, // То карабель у горкім стане; Такой рыдалистой дрожью // Неотлетевших журавлей. – Журбой рыдалистай, аджытай // Неадляцельх жураўлёў; И золотеющая осень, // В берёзах убавляя сок, // За всех, кого любил и бросил, // Листовою плачет на песок. – І восень, грэючы ўспамінам, // Збаўляючы ў бярозах сок, // За ўсіх, каго кахаў і кінуў, // Лістамі плача на пясок.* Переводчик добавил как отдельные лексемы *гнеў*, *аджыты*, так и словосочетание *грэючы ўспамінам*. Данное добавление, конечно, влияет на ритм и рифму стихотворения. Тем не менее следует отметить, что названные фрагменты вносят дополнительную информацию о природе и внутреннем мире человека. На наш взгляд, добавление выступает как способ конкретизации состояния лирического героя на основе интерпретации переводчиком текста оригинала.

Опущение (4 случая) противоположно по отношению к приему добавления и основано на импликации слов, которые не несут значимой смысловой нагрузки. Так, может быть исключена атрибутивная характеристика: *И навстречу испуганной маме // Я цедил сквозь кровавый рот... – І цадзіў я спалоханай маме, // Рот хаваючы ў рукаве...* Определение *кровавый* (рот) легко восстанавливается на основе контекста. Может опускаться редко употребляемое слово: *Простыла // Этих дней кипятоквя вязь... – Прастыла // Кіпятлівасць пары тае...* Лексема *вязь* в прямом значении называет ‘соединение, сплетение нескольких букв в один сложный знак’ [9]. В переносном употреблении актуализируется сема ‘соединение в единое целое’ о днях человеческой жизни, для указания на которые используется слово *пара*. В переводе *Плач тальянкі, голас адзінокі – // А такі ён блізкі, а такі далёкі* опущено определение *дальний* (в тексте оригинала *дальний плач тальянки*), при этом сохраняется однокоренное прилагательное *далёкий*. В целом в анализируемых переводах опущения незначительно влияют на восприятие строк, но упрощают переводчику организацию поэтического текста.

Структурное преобразование встречается 8 раз. Данный прием перевода используется при различном грамматическом оформлении метафоры в языке оригинала и языке перевода. Как известно, в белорусском языке формы причастий ограничены в своем использовании, что отражается в последовательной замене причастных оборотов придаточными определительными: *Уж сердце натилось иной, // Кровь отрезвляющею брагой. – Бо сэрца напілося той, // Што кроў працверажжае, брагай; Как будто дождик моросит // С души, немного омертвелой. – Нібыта дождж імжаць не сціх // З душы, што неўпрыкмет змярцвела.*

Кроме структурного преобразования, вызванного заменой причастного оборота, в переводах метафоры встречается перестановка, или изменение расположения языковых единиц в тексте перевода по сравнению с ориги-

налом. В данных переводах это явление вызвано не различием речевой традиции, а стремлением к сохранению рифмы и ритма: *Ты іншым выніта з вясны, // Мне, зрэшты, досыць засталася: // Дым валасоў тваіх шкляны, // Вачэй прытомленая восень. Ср.: Твоих волос стеклянный дым // И глаз осенняя усталость.*

Редко используемой трансформацией в анализируемых переводах является стилистическое преобразование, представленное одним случаем. При переводе метафоры *Басанож гуляць не звабіць болей // Край бярозовага паркалю* глагол *шляцца*, переданный общеупотребительной лексемой *гуляць*, подвергается замене, при этом исходный глагол имеет пометы *прост., неод.* [9].

При переводе метафоры Р. Бородулин часто обращается к таким переводческим решениям, в которых сочетаются несколько приемов перевода. Всего выявлено 8 типов таких переводческих преобразований, частотность использования которых представлена на рис. 2.

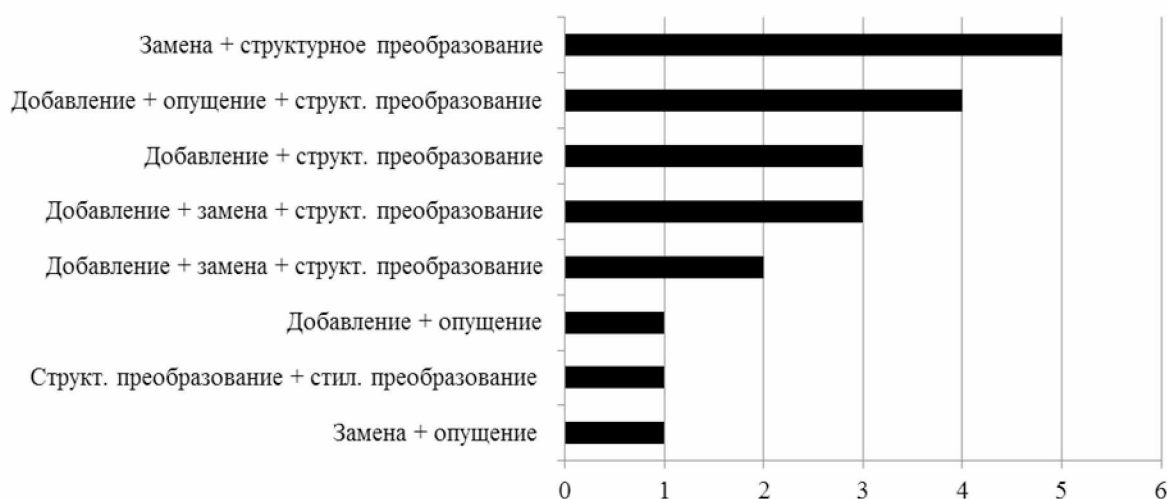

Рис. 2. Типы комбинированных переводческих решений

Наиболее частотны следующие комбинации приемов: замена + структурное преобразование, добавление + опущение + структурное преобразование, добавление + структурное преобразование в сочетании с заменой или без нее и др. Приведем примеры переводческих решений: *Всё сжигает житейская мреть. – Крылы паліць будзёнасці мрэць; Да и ты пойдёшь своей дорогой // Распылять безрадостные дни. – Шлях табе адзін наканаваны: // Распыляць бязрадасныя дні; ... я в сплошном дыму, // В развороченном бурей быте – ...увесь я ў тумане, // Дзе бура звычайнасць зрушыла старую...* В данных случаях при использовании отдельных приемов (добавление, замена) возникают дополнительные смыслы. Так, фраза становится более конкретной благодаря замене местоимения *всё* существительным *крылы*, символически связанным с ощущением свободы. Добавление лексемы (как, например, лексемы *наканаваны*) может усиливать исходный смысл фразы и выражать его более экспрессивно.

При переводе есенинских метафор оригинальные авторские образы переданы в 75 % случаев, а разрушение метафорического образа практически не встречается. В качестве основных приемов перевода используются полный перевод и такие трансформации, как замена, структурное преобразование и добавление, причем добавление у Р. Бородулина служит конкретизации состояния лирического героя на основе интерпретации переводчиком текста оригинала. При переводе метафоры Р. Бородулин часто использовал сочетание приемов в одном переводческом решении (прежде всего, замены, структурного преобразования, добавления либо опущения в различных комбинациях). Кроме того, приемы добавления, опущения и структурного преобразования во многом способствуют сохранению ритма и рифмы поэтического текста. Таким образом, выбранные приемы перевода дополняют друг друга и в определенной мере компенсируют смысловые потери, связанные с преобразованием оригинального текста, отражая поиск переводчиком оптимального способа передачи авторской метафоры с учетом стремления к сохранению черт индивидуально-авторского стиля русского поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скорыходов, М. В.* Смерть Есенина как культурологический феномен / М. В. Скорыходов // Вестн. НГУ. – 2009. – № 54. – С. 73–76.
2. *Мухаревский, М.* Белорусские поэты о Сергее Есенине [Электронный ресурс] / М. Мухаревский // Проза.ру. – Режим доступа : <https://www.proza.ru>. – Дата доступа : 09.09.2019.
3. *Макарова, Л. С.* Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л. С. Макарова ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2005. – 39 с.
4. *Есенин, С.* Стихи [Электронный ресурс] / С. Есенин // РуСтих : Стихи классиков. – Режим доступа : <https://rustih.ru/sergej-esenin>. – Дата доступа : 01.09.2019.
5. *Ясенін, С.* Выбранае : Вершы і паэмы / С. Ясенін. – Мінск. : Маст. літ., 1976. – 207 с.
6. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
7. *Латышев, Л. К.* Технология перевода / Л. К. Латышев. – М. : Академия, 2005. – 320 с.
8. *Архипов, А. Ф.* Самоучитель перевода с немецкого языка на русский / А. Ф. Архипов. – М. : Высш. шк., 1991. – 255 с.
9. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.org>. – Дата доступа : 09.09.2019.

The paper deals with the techniques of translation of the Russian metaphors into the Belarusian language. The strategies of metaphorical image rendering in the language of translation are defined, the main techniques of the author's metaphors translation and some patterns of their usage by R. Baradulin in the translation of the poems by S. Esenin are determined.

Поступила в редакцию 02.10.2019

Е. В. Хомцова

МОДЕЛИ КОГНИТИВНОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ НА БАЗЕ ОБЛАСТИ-ИСТОЧНИКА «ПРЕДМЕТ БЫТА»

В данной статье рассматривается один из способов репрезентации концепта «предмет быта» посредством исследования языковой семантики, ее развития, семантических переносов в русском, белорусском и английском языках. Дается описание метафорических моделей, выделенных на базе области-источника «Предмет быта». Выделены целевые фреймы, составляющие данные модели, а также приведены количественные результаты исследования, которые отражают частотность употребления этих моделей в русском, белорусском и английском языках.

Современное понимание роли метафоры в познании окружающей действительности и отражении его результатов в языке состоит в том, что она выступает креативным когнитивным механизмом, позволяющим обнаруживать сходство между различными предметами и явлениями вследствие применения знаний и опыта, приобретенных в одной области, для решения проблем в другой области.

Концептуальная метафора – это базовая ментальная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), получающая выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений.

В данной главе проведен анализ лексических единиц, отобранных нами в процессе исследования и классифицированных по следующим лексико-семантическим группам [ЛСГ]: «Мебель и предметы интерьера», «Кухонные принадлежности», «Обувь», «Одежда», «Головные уборы». В качестве области-источника выступает концепт «предмет быта». При проведении анализа отобранного материала было установлено, что метафорический перенос из области-источника «Предмет быта» осуществляется в следующие области-цели: 1) «Артефакт»; 2) «Природа»; 3) «Человек»; 4) «Животное»; 5) «Действие».

Концептуальная метафора – один из важнейших когнитивных механизмов, основанный на установлении связей между концептами (концептуальными структурами), относящимися к разным областям знания (доменам). Метафора – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [1, с. 5].